

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Л81

Liz Lawler

DON'T WAKE UP

© Liz Lawler 2017. Originally published in the English language
in 2017 by Bonnier Zaffre.

Published in Russia by arrangement with the Van Lear Agency
and Bonnier Zaffre

Оформление серии А. Саукова
Cover design by Henry Steadman

В оформлении форзаца использована фотография:

© Freebird7977 / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Лоулер, Лиз.

Л81 Не просыпайся / Лиз Лоулер ; [пер. с англ. М. Ю. Юркан]. —
Москва : Эксмо, 2019. — 352 с.

ISBN 978-5-04-099769-5

Самая захватывающая первая глава, которую вы когда-либо читали!

Кошмарный сон начинается, когда она открывает глаза...

Это так притягивает, что невозможно перестать читать. И так леденит кровь, что невозможно перестать думать об этом.

Доктор Алекс Тейлор просыпается привязанной к так хорошо знакомому ей операционному столу. Ее полностью подготовили к хирургической операции. Но человек, стоящий над ней, с лицом, скрытым маской, — не врач. Станным, словно измененным голосом он подробно рассказывает, что именно собирается с ней сделать.

А затем предлагает сделать выбор, который лишает ее дара речи...

Когда Алекс снова просыпается, уже после наркоза, на больничной койке, она понимает, что невредима, но никто не верит в ее жуткую историю. Ни коллеги, ни родные, ни жених, ни полиция, вызванная Алекс. И она начинает думать, что и в самом деле сходит с ума...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Юркан М.Ю., перевод на русский язык,
2018

© Издание на русском языке,
оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-099769-5

Глава 1

Ее разбудили знакомые звуки. Они звучали на редкость успокаивающе, несмотря на то что она сразу встревожилась и ей захотелось вскочить и посмотреть, что там делают ее коллеги. Она слышала, как звякали инструменты в металлической кювете. Аппаратура испускала регулярные сигналы, разрывались стерильные упаковки, на заднем плане раздавалось всепроникающее шипение кислорода.

Мысленно ясно представляя эту сцену, она осознавала, что должна встать, но ее обволакивала ватная сонливость, и отяжелевшие конечности, казалось, потеряли способность двигаться. Она не могла вспомнить, как забралась на одну из свободных каталок, но теперь думала, что, наверное, решила отдохнуть там часок-другой во время ночного дежурства. Обычно ее будил звонок горячей телефонной связи или настойчивые призывы трансивера. Обычно такие срочные вызовы означали, что ей надо вставать и бежать, просыпаясь уже по пути. Но этот странный сон породил ощущение инертной вялости, и она еле-еле смогла разлепить опухшие веки.

Ее ослепил яркий свет, глаза начали слезиться, и она прищурилась от его сияния. Превозмогая резь в глазах, едва смогла разглядеть какие-то общие очертания. В смятении и тревоге пригляделась к окружающей обстановке.

Она лежала в незнакомой больничной палате. В ее отделении не пользовались такими светильниками — она видела над собой маленькие отдельные лампочки, легко заслоняемые ладонью. *Однако она находилась не в своем рабочем отделении, а попала в странную, незнакомую ей операционную.* С какой стати она здесь? Не могла же она забрести сюда, чтобы немного поспать... *Думай.* Неужели она зашла сюда, чтобы помочь травматологам? Может, им не хватало пары рук? Это казалось весьма маловероятным, но все-таки постижимым...

Она пристально посмотрела вниз — и оцепенела, с содроганием увидев, что ее собственное тело покрыто зеленой хирургической простышкой.

Звуки операционной смолкли, но кровь теперь так громко пульсировала у нее в ушах, что больше она ничего не слышала. Вытянутые руки, закрепленные застегками на липучках, покоились на мягких подлокотниках. Над правым локтем руку охватывала манжета для замера давления, а к среднему пальцу прицепили пульсоксиметр. Однако больше всего ее напугал вид двух больших венозных катетеров, вставленных в предплечья. Оранжевые шприцы подразумевали использование инвазивной жидкости, которая в ее больничном мире применялась для шоковой терапии.

Подсоединенные к иглам трубки, изгибаясь, поднимались к скрытым от нее стойкам с пакетами жидких растворов. Она видела лишь нижние части установленных на штативы пакетов со светлой жидкостью, но могла лишь догадываться, что именно вливали ей в кровь.

Ее сосредоточенный взгляд скользнул дальше, за зеленые салфетки на ее груди и животе, и она чертовски встревожилась, увидев в воздухе розовые ногти своих ног. Ее бедра, осознала она, были расставлены, икры поддерживались под коленями, а лодыжки оказались закреплены скобами — она лежала на операционном столе с подняты-

ми ногами. По сухости во рту и затуманенному сознанию поняла, что пробудилась вовсе не от обычного, а от вызванного анестезией сна.

— Привет? — сказала она, пытаясь привлечь внимание человека, орудующего инструментами. Лязг стали по стали все еще продолжался. Занервничав, крикнула громче: — В чем дело? Я уже очнулась!

Учитывая ситуацию, она удивилась ощущению собственного спокойствия. Лежа в таком странном положении и ожидая объяснений, она испытывала страх и тревогу, однако профессиональные знания позволяли ей обдумать то, что могло с ней случиться.

Вечером она закончила свою смену. Ее память вернулась к последней осознанной мысли... Проходя по служебной автопарковке в новом легком платье и розовых босоножках, она думала о свидании с Патриком. Это воспоминание привело ее к заключению, что с ней, должно быть, произошел какой-то несчастный случай. Шампанское и розы, подумала она. Именно это обещал Патрик по окончании ее долгой дневной смены. Шампанское и розы, и — если она правильно понимала его — предложение руки и сердца...

Где же он сейчас? Несомненно, расхаживает по коридору перед операционной, встревоженно ожидая сообщений о ее состоянии, готовый броситься к любому, кто сможет дать ему ответ... Может, размышляла она, ее сбили? Возможно, выехавшая слишком быстро машина, которой она не заметила, поглощенная поиском автомобиля Патрика?

Из смутных воспоминаний всплыло, как она нетвердой походкой шла на своих невыносимо высоких каблучках, расправив плечи, втянув живот и выставив напоказ грудь, стремясь показать, как красиво смотрится на ней новое платье. Но потом на нее накатила внезапная волна головокружения, у нее подогнулись ноги, и она упала на

колени; почувствовала боль в шее, давление на губы, нехватку воздуха, словно ее рот закрыли кляпом, а потом... ничего... пустота.

Охваченная приступом душераздирающего страха, она судорожно вздохнула, пытаясь справиться с паникой. Насколько серьезна ее травма? Неужели она умирает? Не потому ли, что никого не оказалось поблизости? Неужели ее просто оставили умирать?

Включились ее профессиональные знания и интуиция. Первичное обследование. Необходимые проверки. По алгоритму ABCDE... нет, сначала правило ABC¹. Ее дыхательные пути чисты. Никакой кислородной маски или носовых катетеров. Она дышит самостоятельно, и более глубокие вдохи не вызывают боли. Кровообращение? Ее сердце бьется быстро и четко. Она слышит его пульсацию с монитора. Но почему же ее ноги распялены? Может, она истекает кровью? Тазовые переломы считаются наиболее тяжелыми. Обильное неконтролируемое кровотечение. Но в таком случае где же бригада озабоченных хирургов? Почему они не перевязали ей таз, чтобы зафиксировать состояние?

— Эй, вы слышите меня? — уже более сердито крикнула она.

Звяканье инструментов прекратилось. Она осторожно шевельнула головой — и не удивилась, обнаружив, что ее голова зафиксирована, а шея помещена в жесткий воротник. Видимо, не исключено повреждение шейного отдела позвоночника. Она начала волноваться. Кто, черт побери, занимается ее лечением? Ей хотелось поделиться с ним или с ней своими мыслями. Какие-то олухи позволили ей очнуться в одиночестве, но они грубейшим образом нарушили все правила, дав ей прийти в себя и осознать, что ее голова

¹ Медицинские подходы или правила, определяющие последовательность действий при диагностике заболевания и определении состояния больного.

и руки обездвижены, а ноги разведены и закреплены скобами. Она могла бы причинить себе непоправимый вред, если бы, запаниковав, начала срывать ограничительные приспособления, удерживающие ее в безопасном положении.

До нее донесся звук шагов, приближающихся к ней по каменному полу. Потом в поле периферийного зрения появилась ткань синевато-зеленого цвета — и кто-то в хирургическом костюме. Она мельком увидела бледную шею и край белой маски, но остальная часть лица — нос и глаза — попадала в область яркого света, лишавшего ее возможности что-то нормально разглядеть.

На глаза вдруг навернулись жгучие слезы, и она резко рассмеялась.

— Ненавижу чертовы больницы!

«Кто-то» оставался неподвижным и молчаливым, породив новый страх в ее сверхактивном мозгу.

— Простите за эти слезы. Я уже успокоилась, — сказала она. — Послушайте, просто сообщите мне факты. Опасность для жизни? Роковые переломы? Я способна нормально воспринять все, понимаете? Я работаю здесь врачом, поэтому, прошу вас, не давайте мне подслащенную версию. Я предпочитаю знать правду.

— Ничего с вами не случилось.

Прозвучавший голос поразил ее. Казалось, он проходил через какую-то акустическую систему. Она удивленно прищурилась. Говорил ли с ней стоящий рядом человек, или голос доносится сзади из-за наблюдательной ширмы? Может, это кабинет компьютерной томографии, а не операционная палата? Голос принадлежал мужчине, но она его не узнала. Так не говорил ни один из ее знакомых хирургов. Прищурившись, она пригляделась к скрытому за маской лицу.

— Вы врач или они находятся в другом помещении? Мы находимся в кабинете компьютерной томографии?

— Да, я врач.

Господи, как же плохо его слышно! Казалось, он говорит, стоя рядом с ней, однако голос его звучит словно издали, как по телефону. Почему он не выключит эти чертовы светильники и не снимет маску, чтобы нормально поговорить с ней? Может, даже взяв ее за руку...

— Так вы не обнаружили у меня никаких повреждений? — взволнованно вздохнув, спросила она.

— Да, ничего плохого с вами не произошло.

В раздражении она повысила голос:

— Послушайте, может, мы вернемся к исходному моменту? С какой стати я лежу здесь и как сюда попала? Что сказано о травмах в моей регистрационной карте?

— Знаете, вам вовсе не стоит так волноваться. Вон как у вас сердце заколотилось... Неровное дыхание, и уровень кислорода в крови приближается к критическому... Вы курите?

Ее взгляд метнулся к стоявшей рядом тележке с кардиомонитором. Она увидела тянущиеся от него провода и поняла, что те тянутся к электродам на ее груди.

— Послушайте, мне не хотелось бы быть невежливой. Вы, вероятно, проработали целый день, но я немного разозлилась, когда, придя в себя после наркоза, обнаружила, что оставлена в одиночестве. А теперь давайте проясним ситуацию. Я не собираюсь жаловаться, но желаю знать, кто вы такой. В данный момент я хочу знать ваше имя, а также что, собственно, со мной происходит.

— Ладно, Алекс, — сказал он, поднимая затянутые в фиолетовые перчатки руки, в которых белел хирургический степлер, — раз уж мы прояснили ситуацию, то прямо сейчас, если вы не будете говорить вежливо, я намерен зашить ваш рот. У вас очаровательные губки. Будет жаль их испортить.

Волна ужаса мгновенно скрутила ей живот. Мышцы затвердели, прищуренные глаза открылись, а мысли, гнев и даже дар речи парализовало.

— Вспыльчивость вам сейчас не поможет, — спокойно продолжил незнакомец.

Шампанское и розы, подумала она. Думай об этом. Патрик. Думай о нем.

— Так-то лучше, — она уловила ухмылку в голосе мужчины, — я не могу работать под аккомпанемент воплей и криков.

В голове Алекс быстро закрутились варианты сценариев. Она попала в какую-то больницу. Кто-то найдет ее. Кто-то услышит ее крики. Ее захватил какой-то сумасшедший. Сбежавший больной? Настоящий врач? Или псих, изображающий врача? Очевидно, ему удалось захватить одну из операционных палат, и он... он случайно столкнулся с ней. Она вспомнила давление на губы. Кляп после падения на парковке... Он притащил ее сюда. Сбил ее с ног, потом заткнул ей рот какой-то тряпкой. Должно быть, усыпил ее. Хлороформом или эфиром...

— Пожалуйста, не кричите, — сказал он, словно читая ее мысли, — мы здесь совершенно одни, и мне правда не хочется насильственно заставлять вас умолкнуть. К тому же у меня болит голова. Холодные ветра всегда вызывают у меня мигрени. Удивительно, что у вас она не разболелась, учитывая, как легко вы оделись для такого холодного вечера.

Она мгновенно осознала свою наготу под зелеными салфетками. Ее обнаженные груди, и влагилице, и слегка приподнятый таз... От такого неестественного положения у нее начало сводить икры.

Патрик. Думай о нем или о чем-то за пределами этой операционной — о маме, о работе, об умершем сегодня пациенте... О людях, которые будут искать ее... *Думай, Алекс.* Надо попробовать разумно договориться с этим человеком. Заинтересовать его. Рассказать, чем она занималась. Кто она такая. Показать себя с личностной, человеческой точки зрения. Разве не это рекомендуют

учебники? Она частенько применяла на практике теоретические познания. Первое правило: осознать причины раздражения больного. Второе правило: снять остроту его раздражения.

— Меня зовут Алекс, и я врач, — сказала женщина.

— И вам известно, что у вас загиб матки? — спокойно продолжил незнакомец. — Для извлечения вашей спирали мне пришлось использовать изогнутое зеркало.

Ошеломленная, она лишь изумленно взирала на него. Значит, он уже что-то сделал с ней. Пока она лежала без сознания, его руки обследовали ее внутренности.

Думай, приказала себе Алекс. Думай хорошенько, пока еще не поздно покончить со всем этим кошмаром. Веди себя любезно. Вызови его симпатию. Постарайся, черт тебя подери, строго настраивала она себя, хотя ее распухший язык пока отказывался нормально шевелиться.

— С-спасибо, что вы извлекли ее. Не каждый смог бы оказать такую любезность.

— Всегда пожалуйста.

Его ответ заронил в ее душу лучик надежды. Получилось. Они уже разговаривали. Она фактически не видела его лица, и он, вероятно, отлично осознавал это. Она могла сказать ему, что ей неизвестно, кто он такой и что она готова забыть все, что он сделал с ней. Никто не пострадал, ничего страшного. Он мог свободно уйти.

— Интересно, — задумчиво произнесла она, — не могли бы вы разрешить мне встать и воспользоваться туалетом?

— Нет нужды, — его фиолетовые перчатки исчезли под зелеными салфетками и коснулись ее обнаженной кожи.

Она вздрогнула.

— Успокойтесь, — посоветовал мужчина, прошупывая нижнюю часть ее брюшной полости, — ваш мочево-

пузырь пуст. Я уже вывел жидкость катетером. Выход мочи нормальный.

— Зачем вы сделали это?

— Серьезная операция, Алекс, — ответил похититель, обращаясь к ней по имени, с фамильярностью работающего рядом с ней коллеги. — Процесс мочеиспускания для вас какое-то время будет болезненным.

Рыдания невольно сотрясли ее грудь, и палату заполнил вопль отчаяния.

— Что вы сделали со мной?

— Я уже говорил вам. С вами ничего не случилось. Пока. Решение за вами. Вы просто должны ответить на такой вопрос: что значит «нет»?

В голове ее царил сумбур, когда она попыталась осмыслить этот вопрос. Что он вообще означает? Неужели она знает этого мужчину? О чем, черт возьми, он спрашивает?

— К примеру, вот эта красота. — Он покачал перед ней ее бледно-розовыми босоножками с изящными ремешками, на высоченных каблуках, которые, безусловно, могли возбудить Патрика, хотя на них и невозможно нормально ходить. — Неужели они не подразумевают вашего согласия? Или вот эта прелесть? — Теперь перед ее лицом покачивались прозрачные чулки. — Они, несомненно, соблазнительны. Раздевая вас, я заметил, что вы обходитесь без бюстгалтера, а из ваших трусиков едва ли получился бы даже крохотный носовой платок.

Икры Алекс плотно обхватили кожаные ремни, врезавшиеся в ее плоть, когда она попыталась сдвинуть колени. Она отлично поняла, о чем он спрашивал.

— Прошу вас, — взмолилась она, — не надо!

— Алекс, ведь это простой вопрос. И, по-моему, нам обоим известно, что вы имеете в виду, говоря «нет», не так ли?

Ненависть возобладали над страхом, и на мгновение она почувствовала себя свободной и смелой.

— Я не понимаю этот вопрос, ублюдок, — яростно прошипела пленница, — а содержание кислорода в крови у меня понизилось из-за ваших снадобий! Вам необходимо вернуться к учебникам. Вы что, неудавшийся шарлатан? Верно, придурок?

Она услышала резкий вдох — раздражение проявилось легким вздутием его маски.

— Спокойнее, спокойнее. Злость вам не поможет. Вы лишь вынудите меня быстрее принять решение.

Он повернулся в сторону и придвинул к себе блестящий столик из нержавейки с набором знакомых ей инструментов. Крючок для удаления внутриматочной спирали, маточные ножницы, влагалищное зеркало Куско и рядом с ними наркотная маска. Она оцепенела от ужаса, увидев, что он взял маску. Маску Шиммельбуша¹. Раньше Алекс видела такую конструкцию лишь раз в жизни, в стеклянном шкафу, в кабинете вышедшего на пенсию анестезиолога. Она вспомнила такой тип проволочной маски, потрепанное приспособление, накрывающее нос и рот. Только данное устройство выглядело более грубым: выгнутая рамка — размером с грейпфрут — из тонкой проволочной сетки, покрытая слоями марли для пропитки ее жидким анестетиком, пары которого предназначены для усыпления пациента.

— Незамкнутая цепь, — спокойно продолжил похититель, — непревзойденный старомодный метод. Не требуется вставлять никаких трубок. Никаких анестезирующих приборов. Всего лишь марля и маска. И усыпляющие пары, разумеется, позволяют врачу освободить руки для выполнения других дел.

Ее смелость испарилась. Самообладание ослабело. В нем нет никакого смысла. Спасения нет. Он мог сделать

¹ Курт Шиммельбуш (1860–1895) — немецкий хирург, предложивший использовать для наркоза проволочную маску собственной конструкции.

с ней все, что ему захочется, и она не в состоянии ничему помешать. У нее даже мелькнула мысль, не лучше ли будет умереть на этом столе. Она могла расстаться с жизнью, даже не осознавая ее окончания.

— С другой стороны, если я лишу вас сознания, то мы не сможем разговаривать. Вы даже не узнаете, если мне понадобится ваша помощь в случае осложнений. Я ведь мог бы дать вам зеркало, и вы помогли бы мне разобраться с проблемой. Иссечение вульвы может вызвать некоторые сложности.

Участившееся дыхание Алекс стало поверхностным. Она пристально смотрела на маску в его руке, слыша начавшийся в голове звон. У нее перехватило дыхание. Она не могла вымолвить ни слова...

— Последний шанс, Алекс. Я легко могу сделать это. Вы немного поспите, пока я займусь тем, на что, как нам обоим известно, вы предпочли бы ответить согласием, а потом — домой, бай-бай. Итак, я спрашиваю еще раз: что значит «нет»?

Все ее тело начало дрожать. Дрожь сотрясала большие грудные мышцы, ягодицы и ноги. Ее голова и шея оставались жестко зафиксированными, но руки и лодыжки в своих ограничительных ремнях тоже заметно тряслись. По ее лицу заструились слезы, наряду со слизистыми выделениями из носа и рта, и несмотря на это, когда она заставила себя возразить вслух, ее раздирал безмолвный крик: «Нет».

— Простите, я не поняла вас. — Из-за его действий у нее появились проблемы со слухом.

Похоже, он принял иное решение — маска закрыла половину ее лица, и сжиженный газ начал действовать.

— Я говорю «да», — сонно прошептала она. — «Нет» значит «да».